

**ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩИЙ ГЕРОЙ
И СПЕЦИФИКА ЕГО ДУХОВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА ПРОТОИЕРЕЯ
НИКОЛАЯ АГАФОНОВА «УТЕШЕНИЕ В СТАРОСТИ»)**

Аннотация. Статья посвящена тематике и поэтике рассказа современного православного писателя протоиерея Николая Агафонова «Утешение в старости», при этом основной акцент делается на специфике образа эволюционирующего персонажа. Дается определение понятия «современная духовная проза», раскрываются ее философские, этические и художественные доминанты. В итоге выясняется, что в центре данного течения становится личность, находящаяся в состоянии духовной эволюции, специфика которой определяется частичным или полным перерождением человека, переходом его от неверия к вере, качественным изменением внутреннего состояния и религиозного чувства персонажа.

Ключевые слова: современная православная проза, духовность, эволюция, кризис-ситуация, выбор-ситуация.

I. S. Leonov

**EVOLVING CHARACTER AND SPECIFICS OF HIS/HER
SPIRITUAL TRANSFORMATION IN MODERN ORTHODOX
PROSE (BY EXAMPLE OF THE STORY BY ARCHPRIEST
NIKOLAY AGAFONOV «CONSOLATION IN OLD AGE»)**

Abstract. The article deals with the objective laws of the themes of the modern orthodox prose and particularly with the problem of spiritual evolution of the characters. Based on the works on Christian metaphysics the author determines specifics of spiritual transformation of the characters of 'the small prose' by archpriest Nikolay Agafonov. And as an illustration to that the story «Consolation in old age» is being analyzed.

Key words: modern orthodox prose, spiritualness, evolution, crises situation, choice situation.

Современный литературный процесс – явление сложное и многоплановое. В его рамках выделяется малоизученный, но активно развивающийся феномен – православная художественная проза.

В данном ключе речь идет о значительном корпусе художественных произведений малой и средней прозы, характеризующихся повышенным вниманием к миру православия как на мировоззренческом, так и сакрально-институциональном уровнях. Авторами этих произведений становятся православные священнослужители и миряне, цель которых можно определить следующим образом: с помощью искусства слова, без лишнего дидактизма познакомить читателя рубежа XX–XXI вв. с миром православной культуры, догматическими основами веры, своеобразием жизни воцерковленной личности. Очевидно, что церковная жизнь с ее нравственным, богослужбным

и художественным богатством малознакома современному читателю. В этом ключе задача православных писателей должна быть понята как «нахождение точек соприкосновения» между современниками и глубоким этическим и эстетическим богатством христианского мира.

К современным отечественным православным авторам, обратившимся к художественной прозе, относят священнослужителей Николая Агафонова, Ярослава Шипова, Александра Шантаева, Алексея Мокиевского, Александра Торика, а также светских авторов: Бориса Спорова, Татьяну Шипошину, Валерия Лялина, Сергея Козлова, Александра Горшкова и других. В этом списке фигурируют далеко не все писатели, творчество которых можно отнести к исследуемому художественному явлению, однако произведения упомянутых авторов во многом отражают его важнейшие тенденции.

Центральным персонажем православной прозы чаще всего является современник читателя, человек, принадлежащий предперестроечному или перестроечному времени. Его духовный мир, нравственные запросы и мировоззрение во многом определяются сложными социально-политическими и духовно-нравственными требованиями эпохи рубежа веков. Разочаровавшись в идеологии советского периода, он пытается найти новые духовные ориентиры, что иногда приводит его к ранее незнакомому миру православия. Таким образом, тема эволюции человека может быть определена как важнейшая содержательная доминанта большинства произведений современной духовной прозы.

Следует заметить, что подлинная сущность духовной эволюции человека скрыта в христианской метафизике. Для более глубокого понимания этой проблемы следует обратиться к трудам отечественных ученых-богословов, исследующих православно-религиозный взгляд на природу человека. Так, протоиерей Василий Зеньковский рассматривает человека в трех аспектах: «1) Человек в его первоизданном состоянии; 2) Человек после грехопадения и изгнания из рая; 3) Человек, входящий в благодатный организм Церкви» [1, с. 268]. Таким образом, здесь проводится мысль об изначальном совершенстве человека, существовавшем до грехопадения Адама и Евы, после которого человеческая природа, по мнению ученого, стала обладать *биполярностью*: «Человек после грехопадения несет в себе два различных начала: с одной стороны, образ Божий, через который струится в нашу душу свет Божий, творческие искания добра и правды, а с другой стороны, в человеке есть начало греховности, которое как бы *паразитирует* на всем светлом и творческом, что рождается в нашей душе, т.е. искажает движения души или разрушает их» [1, с. 272].

Вопрос соотношения образа и подобия Бога в человеке, а также проблема обожения становится предметом размышления протоиерея Сергия Булгакова: «Человек, созданный по образу Божию, через осуществления в себе богоподобия предназначенный к обожению, отклонился от этого пути. Но сам Бог, давший свой образ, сделался человеком... Возведя человеческую природу к ее первоизданному естеству, Он соединил ее – нераздельно и неслиянно – с Божеской и через то обожил его» [2, с. 125]. Спасение человека, освобождение его от греха, обретение утраченного в процессе грехопадения изначального совершенного состояния, согласно христианскому учению, возможно через обожение человеческого естества. Это процесс становится возможным лишь при активном участии самого человека, наделенного сво-

бодной волей. Для этого необходима вера, а следовательно, и изменение жизни, невозможной без наличия добрых дел, как живое свидетельство о принятии веры. «Вера и дела есть участие самого человека в своем обожении силою Христовой» [2, с. 126].

Идея спасения человека, восстановления в нем образа Божия доминирует в большинстве произведений современных православных писателей. Именно этим объясняется, что приход персонажа к вере осуществляется не в абстрактном ее понимании (вера в «нечто», «судьбу», «провидение», «высшую силу»), а в конкретном религиозно-конфессиональном плане, в центре которого стоит личность Богочеловека Иисуса Христа. Этот подход основан на православной метафизике и принятии церкви в ее сакральном и институционально-иерархическом значениях. Иначе говоря, общение с Богом для героя становится возможным через приобщение его к церковной жизни, признание вероучительных догматов, богослужений и таинств.

Еще один аспект эволюции затрагивает внутреннюю жизнь уже церковного человека, приход которого к вере произошел в прошлом. В этом случае внимание автора и читателя концентрируется на внутреннем поиске верующего персонажа, иногда священно- или церковнослужителя. Согласно православному учению, нахождение человека в русле церковной жизни не дает ему право считаться праведным и быть уверенным в собственном духовном совершенстве. Наличие грехов, доминирование внешней, формальной религиозности над искренней верой – все это может стать причиной отхода от Божественных заповедей и вызвать ряд кризисных ситуаций в душе героя, определить характер его внутреннего конфликта. Таким образом, тема эволюции человека в современной православной прозе разворачивается в двух плоскостях: а) переход от неверия к вере; б) путь нравственного очищения верующего человека. В первом случае в роли центральных персонажей выступают светские, далекие от церковной жизни люди, во втором – представители церковного мира (священнослужители, церковнослужители и прихожане).

Более детально специфика духовной эволюции может быть рассмотрена на примере следующих дуальных моделей:

неверие – ощущение потребности в вере;

неверие – приход к вере;

неверие – погружение в мир православной общины, воцерковление;

формальная религиозность – истинная вера;

грех – покаяние;

внешняя греховность – внутренняя праведность и др.

Очевидно, что первые три модели раскрывают варианты духовной эволюции в аспекте *неверие/вера* и могут быть классифицированы по принципу глубины вхождения человека в религиозно-церковную жизнь. Четвертая и пятая модель отражают особенности внутренней трансформации верующего человека и показывают свойственный ему комплекс духовных препятствий (с православной точки зрения – искушений), а также пути их преодоления. И наконец, шестая модель лишь с определенной долей условности может быть рассмотрена в данном контексте. Здесь речь идет не об обновлении внутренней жизни человека, а о постепенном раскрытии его подлинного духовного мира. В данном случае внешний облик и внутренняя жизнь человека явно контрастируют между собой. Первый, наиболее резко бросающийся в глаза читателю, непривлекателен, содержит порочные черты, не вписыва-

вающиеся в представления о христианской нравственности. Однако по ходу развития сюжета раскрываются душевные и духовные глубины внутренней жизни человека, благодаря чему в его облике появляются черты праведника или мученика, а внешняя порочность уходит на второй план.

Следует отметить, что предложенные модели отражают лишь начало и завершение процесса духовной трансформации человека применительно к сюжету произведения. Для более детального рассмотрения сути этих изменений следует вычлнить в православной художественной прозе ряд опорных точек-ситуаций, отражающих специфику внутреннего развития персонажей, а также факторы, подготавливающие и определяющие характер течения этих преобразований. В этом аспекте выделяются и подвергаются анализу следующие важнейшие моменты во внешней и духовной жизни героя.

Предстартовая ситуация (ПС) – совокупность биографических и психологических факторов, формирующих мировоззрение, особенности поведения, специфику религиозного поиска персонажа и объясняющих его духовно-нравственное состояние к началу произведения. ПС включает события внутренней и внешней жизни, остающиеся за пределами фабулы, к которым могут быть сделаны отсылки на любом сюжетно-композиционном этапе произведения. Чаще всего предстартовая ситуация раскрывается на фоне воспоминаний человека о своем прошлом, годах детства или взросления. ПС призвана объяснить причины и сущность конфликтных проявлений, связанных с героем и раскрывающихся в произведении.

Стартовая ситуация (СС) – состояние героя, полагающее начало для развития конфликтной ситуации и, как следствие, его последующей духовной эволюции. В этот момент на первый план выходит непонимание Божьего замысла о человеке, способное породить богоборческие настроения. В сознании такого человека нарушается замысел Творца о человеке как личности, предназначенной к обожению. Персонаж совершает ошибку либо испытывает страдания от ранее совершенной ошибки, причиной для которой становится изначально заложенное в нем греховное свойство, которое либо может быть осознанным, либо до определенного времени не восприниматься всерьез. Кроме того, стартовая ситуация может разворачиваться помимо воли и желания человека и включать ряд объективных факторов, негативно воздействующих на него со стороны, подавляя его волю, деморализуя и заставляя встать на путь роковых ошибок. К таким факторам можно отнести ряд жизненных катастроф: потеря социального статуса, бедность, одиночество, семейные конфликты, болезнь, смерть близких людей, угроза жизни и т.д. В произведениях эти факторы могут фигурировать по отдельности или в совокупности, а причиной их становится жизнь без Бога, вне религиозно-христианской мировоззренческой системы.

При анализе СС необходимо учитывать следующие характеристики субъекта эволюции:

- религиозный фактор (неверующий / ищущий / верующий, но не воцерковленный / верующий и воцерковленный);
- духовный статус (мирянин / церковнослужитель / монах / священник / архиерей);
- социальное и семейное положение;
- психологическое состояние (наличие внешних и внутренних конфликтов).

По характеру конфликта СС могут быть: латентными (персонаж не сразу осознает, что находится в состоянии конфликта, до определенного момента он уверен, что его жизнь стабильна и лишена противоречий); острыми (персонаж осознанно переживает комплекс тяжелых нравственных или физических страданий).

Кризис-ситуация (КС) – состояние персонажа в наивысший момент напряжения духовных сил, когда физическая и (или) душевная боль достигают апогея. Кризис-ситуация чаще всего несет опасность для жизни человека, может сочетаться с суицидальными мотивами. В ряде случаев глубокие душевные переживания могут быть вызваны сочувствием и сопереживанием к страданиям других людей, чаще всего друзей или родственников.

Выбор-ситуация (ВС) – наиболее сложный и ответственный этап духовной эволюции героя. Он связан с восприятием личности как обладателя свободной воли, что отражено в православном вероучении. Спасение человека не представляется возможным без деятельного участия его самого.

В наиболее сложный, кризисный момент от персонажа требуется принятие важнейших жизненных решений, находящихся вне рациональной плоскости. Человек переступает границу рационального и иррационального, обращается за помощью к Богу, так как осознает, что обыкновенная человеческая логика в силу своей слабости не способна направить его жизнь в здоровое и стабильное русло. Выбор-ситуация требует от человека принятия волевого решения изменить жизнь, построить ее согласно христианскому учению, а в ее центр поставить фигуру Богочеловека. Такое решение может принять лишь существо, наделенное свободной волей и правом выбора, которым, согласно православному учению, является человек. В этом смысле представляется уместным обратиться к мысли протоиерея Сергия Булгакова: «Личное спасение есть духовное рождение самого себя своею свободой для вечной жизни через усвоение благодатного дара искупления и обожения» [2, с. 126]. Важную идею высказывает и современный православный писатель протоиерей Николай Агафонов: «В моих рассказах приход человека к Богу обязательно происходит через его внутреннюю потребность стать лучше или совершить хороший поступок. Тогда Бог идет ему навстречу» [3]. Таким образом, речь идет о том, что важным фактором эволюции человека становится его личное активное действие, с одной стороны, и Божественная любовь – с другой. Данное двуединство проявляется чаще всего на этапе выбор-ситуации, за которой, как правило, следует либо приход к вере (для неверующего человека), либо ее качественное обновление (для верующего), что и отражает православная литература.

Финальная ситуация (ФС) – состояние персонажа, пережившего ВС и пришедшего к обновлению духовного состояния и (иногда) изменению духовного статуса. Следует отметить, что определение «финальная ситуация» является достаточно условным и применимо лишь к внешней, отраженной в фабуле произведения жизни персонажа. В более глубоком, христианском, смысле человек совершает путь к Богу всю жизнь, проходя череду духовных падений и взлетов. Однако применительно к художественной реальности конкретного произведения данный термин уместен, так как позволяет подвести некоторые итоги духовной эволюции персонажа, отраженные в сюжетной канве произведения.

Отмеченная условность термина позволяет классифицировать ФС по принципу *завершенности/незавершенности*, согласно которому они могут быть открытыми и завершенными. Открытые ФС предполагают дальнейшее развитие души персонажа, вынесенное за пределы художественной реальности. Так, например, смутная и неосознанная потребность в вере, первый приход в храм / чтение молитв / приобщение к таинствам и т.д. могут лишь наметить для персонажа путь более глубокой и сложной духовно-нравственной эволюции. В этом случае ФС следует признать открытой. Завершенные ФС отражают, как правило, смерть главного героя, встреченную им в русле православной традиции, которой сопутствует приобщение человека к церковным таинствам, в первую очередь покаянию и причастию. В этом случае становится очевидным, что духовный путь человека в земной пространственной плоскости окончен.

Православная художественная литература позволяет выделить несколько вариантов финальных ситуаций, которые были отражены в приведенных выше двучленных формулах-моделях. Представляется возможным остановиться на различных вариантах ФС:

Открытые:

ощущение героем смутной и неопределенной потребности в вере;
приход героя к вере;
приход к вере и вхождение в мир православной общины;
приход к вере и изменение духовного статуса (герой становится священником или монахом);
переход от формальной религиозности к истинной вере;
покаяние в ранее совершенном грехе;
раскрытие истинного духовного состояния человека, ранее скрытого от других персонажей и читателя.

Завершенные:

покаяние и смерть героя в русле христианского миропонимания.

Обозначенные позиции обладают статичным характером и образуют своего рода духовную биографию персонажа. СС и ФС чаще всего соответствуют началу и финалу произведения. КС и ВС чаще всего соответствуют кульминации произведения и образуют своеобразный перелом во внутренней жизни человека, определяющий его переход к ФС. ПС раскрывается благодаря воспоминаниям персонажа о прошлом, обращение к которому может происходить на любом этапе его духовной жизни.

Для более глубокого анализа предложенных моделей, а также выявления специфических черт всех переломных точек внешней и внутренней жизни центрального персонажа (ПС, СС, КС, ВС, ФС) необходимо обратиться к художественным текстам, на примере которых будут проанализированы высказанные положения. В качестве материала для литературоведческого анализа избрано произведение современного православного писателя протоиерея Николая Агафонова «Утешение в старости», в котором реализуется эволюционная модель «неверие – приход к вере», а также показан вариативный характер ключевых этапов духовной трансформации персонажей.

Рассказ «Утешение в старости» (2003) основан на изображении внутренней эволюции двух персонажей: в центре внимания автора находятся судьбы пожилых пенсионерок-учительниц Марии Ивановны и Веры Семеновны.

Предстартовая ситуация Марии Ивановны раскрывается широко и панорамно. Читатель имеет возможность познакомиться с детством героини, которое приходится на суровые 30-е гг. XX в. Родившись в семье крестьянина-единоличника, Мария Ивановна с детства впитала трагедию раскулачивания и изгнания: «Это утро Маша запомнила на всю жизнь. В дом вошли чужие. Семью вывели во двор. Маша с Настей и Гришей стояли рядом с мамой, прижимаясь к ее подолу. Старший, Ванятка, стоял рядом с понурым отцом. Чужие люди выносили из избы вещи и грузили их в телегу» [4, с. 187]. Апофеозом унижения семьи Марии Ивановны становится отнятие у нее – маленькой девочки – шубки, которая была передана сыну одного из участников «раскулачивания»: «Когда все вынесли, Маша заметила, как Кликушев то смотрит на нее, то переводит взгляд на своего сына. Затем он подошел к Маше и, нагнувшись к ее лицу, оскалив полусгнившие зубы, захихикал. В нос Маше ударил винно-табачный перегар. Маша, отвернувшись, уткнулась в подол матери.

– Ты не вороти свою кулацкую мордочину, давай-ка скидывай полушубок, – сказал он, продолжая хихикать» [4, с. 187]. Далее изображается путь преодоления тяжелых жизненных испытаний, выпавших на долю семьи маленькой Маши: бегство в Курск, нищета, голод, тяжелая многодневная дорога в Москву.

Более сжато в произведении изображена предстартовая ситуация Веры Семеновны. Из текста читатель узнает, что в молодости она была активной комсомолкой и принимала участие во всех комсомольских мероприятиях, в том числе и антирелигиозного характера.

Важную символическую роль в судьбах обеих учительниц играет образ родовой семейной иконы, отношение к которой предопределяет дальнейшее развитие жизни персонажей. В молодости каждая сталкивается с ситуацией выбора в отношении родовых икон. Мария Ивановна испытывает неловкость перед коллегами-атеистами за то, что у нее в доме стоит икона, но прислушивается к словам мужа: «Нет, Маша, эта икона – благословение матери, и я ее никуда не отдам» [4, с. 197]. Таким образом, икона остается в доме учительницы.

Иным способом обошлась с иконой комсомолка Вера Семеновна. Вспоминая далекие годы, она с сожалением признается подруге: «Я ведь, Маша, в юности иконы наши семейные снесла на костер комсомольский, безбожный, и плясала вокруг этого костра вместе со всеми. Пляшу, якобы радость выражаю, а у самой сердце щемит и тоскует, а я еще сильнее пляшу и хохочу, чтоб сердце свое не слышать» [4, с. 201].

Отношение к семейным иконам, выбор, сделанный женщинами по отношению к святым образам, во многом определили специфику СС и КС каждой. СС Марии Ивановны и Веры Семеновны разворачивается уже в более позднее и стабильное время. Годы становления советской власти, раскулачивание, голод – все это остается позади. Сами женщины – пожилые пенсионерки, за плечами которых остались суровые довоенные и военные годы. Несмотря на внешнюю стабильность, в жизни каждой из них наблюдаются серьезные противоречия, затрагивающие сферу семейных отношений в аспекте *отцы/дети*.

После смерти мужа в семье детей и внуков (в собственной семье) Мария Ивановна ощущает себя чужим человеком: «На смерть себе немного от-

ложила, так к этим деньгам подбираются. Третьего дня Клавка (*дочь Марии Ивановны* – И. Л.) прямо под нос сунула порванные ботинки. Вот, мол, полюбуйся, в чем у тебя внук ходит. Что же делать? Полезла в свои «гробовые», справила Ваське обувку. Зять который уже день намекает, что нужны деньги на починку машины. Пыталась отмалчиваться, но тут дочка вспылила: «Что же мы, мама, думаешь, не похороним тебя? Не бойся, здесь лежать не оставим!». Очень уж в последнее время грубо стала разговаривать Клава со мной. Да и внук тоже хорош, даже спасибо бабушке за ботинки не сказал. Придет из школы, включит свою музыку на полную катушку, хоть из дому беги» [4, с. 194–195].

Близкая по внутренним причинам, но иная по степени внешней конфликтности ситуация разворачивается в доме Веры Семеновны. Ее дочь – Татьяна – постоянно упрекает мать в том, что не сложилась ее личная жизнь, что будто бы она повлияла на развод Татьяны с мужем. На определенном этапе конфликт матери и дочери достигает высшей точки напряжения, что приводит Веру Семеновну к попытке самоубийства: она выпивает бутылку с уксусом. Стартовая ситуация Веры Семеновны приобретает черты inferнального воздействия. По признанию умирающей женщины, ей давно уже не дает покоя фигура в черном, присутствие которой она постоянно ощущает рядом с собой. Именно эта фигура, по признанию героини, вкладывает ей в руку бутылку с уксусом.

Стартовую ситуацию обеих женщин можно охарактеризовать как острую, однако степень этой остроты следует признать различной: так, Мария Ивановна на данном этапе жизни испытывает тяжелые нравственные противоречия, усугубляющиеся переживаниями об умирающей подруге; в случае с Верой Семеновной нравственные страдания усложняются и физическими, становящимися причиной ее смерти. Ключевая мысль, определяющая характер данной ситуации, заложена в вопросе Марии Ивановны: «Почему мы, которые учили и воспитывали других детей, со своими не можем найти общего языка?» [4, с. 205].

Кризис-ситуация для каждого персонажа определяется по степени остроты и латентности. У Веры Семеновны конфликтность достигает наиболее ощутимого и трагического характера и выливается в попытку самоубийства – принятие уксуса. Для Марии Ивановны конфликт не выражается в каком-то конкретном действии или проявлении, он равномерно распределен во времени, обладает латентным характером, однако несет для нее серьезные нравственные переживания. Возможно, что разница в характере конфликта для обеих женщин обусловлена выбором, прошедшим на предстартовом этапе: допустившая сжигание семейных икон Вера Семеновна в итоге сжигает себя изнутри (выпивает уксус); сохранившая икону Мария Ивановна обретает надежду на духовное возрождение и новую жизнь со Христом.

Выбор-ситуация сближает Марию Ивановну и Веру Семеновну. Для каждой из них она реализуется в аспекте *покаяние* и характеризуется выходом за пределы привычного жизненного уклада, поиском смысла жизни в сфере иррационального, религиозно-христианского начала. Так, Вера Семеновна, страдая физически и духовно, ощущая над собой власть *черного человека*, прибегает к таинствам исповеди и причастия, что свидетельствует о ее приобщении к религиозной традиции в сакральном и институционально-иерархическом аспектах, а также показывает стремление героини к преодо-

лению греховности и к обожению (или разрушению *биполярности*, по В. Зеньковскому). По пути открытия новой, или ранее забытой, реальности идет и Мария Ивановна, обращаясь к миру православной веры, вступая в общение со своим бывшим учеником, а ныне православным священником – отцом Димитрием. Приобщению Марии Ивановны к вере способствуют возникающее в ее душе чувство сострадания, желание помочь испытывающей нравственные и физические муки подруге.

Финальная ситуация для Марии Ивановны и Веры Семеновны дифференцируется по принципу *открытая/завершенная*. Открытой она является для Марии Ивановны, так как показывает лишь первые шаги персонажа к обретению веры. Для нее выбор-ситуацию характеризуют воспоминания ранее забытой молитвы «Богородица Дева, радуйся...», которая имела важное значение в детстве, но была забыта в зрелые годы: «И тут Мария Ивановна все вспомнила. И уже рядом с отцом Димитрием сидела не старушка, а пробудившаяся от долгого сна девочка Маша из далеких голодных тридцатых годов. Эта маленькая девочка подхватила пение молитвы: «Благословенна ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших» [4, с. 206]. Тут же намечается и частичное преодоление конфликтной ситуации в семье Марии Ивановны. Возникает ощущение, что вспомнившаяся молитва связывает разрозненные в атеистические годы поколения, формально называемые одной семьей, но на духовном уровне утратившие более глубокие связи. На данном этапе происходит ситуация узнавания: «В это время из школы возвращался Василий (*внук Марии Ивановны* – И. Л.), который к своему великому удивлению увидел, как в «жигулях» напротив их подъезда его бабушка сидит с бородатым священником и поет молитву. Бабушка его не заметила, а он разглядел ее лицо: оно святилось счастьем и покоем.

– Какая у меня молодая и красивая бабушка, – подумал Вася» [4, с. 206].

Данная ситуация характеризуется не только ситуацией узнавания, но и приемом пересечения временных пластов. Мария Ивановна на глазах читателей обращается к собственной юности, возникает ощущение, что, согласно Божьему промыслу, она возвращается к началу жизненного пути, и ей дается возможность прожить жизнь заново, избежав ранее совершенных ошибок. Таким образом, она находится на начальном этапе своей духовной эволюции. В то же время очевидно, что для Веры Семеновны, встретившей смерть в русле христианской традиции, ФС характеризуется как завершенная.

Современная православная художественная литература чаще всего ставит в центр личность, находящуюся в состоянии духовной эволюции. Специфика этой эволюции определяется частичным или полным перерождением человека, переходом его от неверия к вере, качественным изменением внутреннего состояния и религиозного чувства персонажа. Человек преодолевает путь от духовной биполярности к восстановлению в себе образа Создателя, преодолению греховного состояния.

Список литературы

1. **Зеньковский, В.** Христианская философия / В. Зеньковский. – М. : Институт русской цивилизации, 2010. – 1072 с.
2. **Булгаков, С., прот.** Православие. Очерки учения Православной Церкви / С. Булгаков, прот. – СПб. : Изд-во Олега Абышко ; Православное изд-во «Сатисъ», 2011. – 224 с.

3. Мечтаю встретиться с Иоанном Дамаскиным. Интервью с протоиереем Николаем Агафоновым. – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=20609> (дата обращения: 11.06.2012).
4. **Агафонов, Н., прот.** Чаю воскресения мертвых / Н. Агафонов, прот. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2006. – 464 с.

References

1. Zen'kovskiy V. *Khristianskaya filosofiya* [Christian philosophy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010, 1072 p.
2. Bulgakov S., prot. *Pravoslavie. Ocherki ucheniya Pravoslavnoy Tserkvi* [Orthodoxy. Essays of the Orthodox Church doctrine]. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko; Pravoslavnoe izd-vo «Satis», 2011, 224 p.
3. Available at: <http://rusk.ru/st.php?idar=20609> (data obrashcheniya: 11.06.2012).
4. Agafonov N., prot. *Chayu voskreseniya mertvykh* [Hoping for resurrection of the dead]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2006, 464 p.

Леонов Иван Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра мировой литературы,
Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина
(г. Москва, ул. Академика Волгина, 6)

E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Leonov Ivan Sergeevich

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of world
literature, State Institute of Russian
Language named after A. S. Pushkin
(Moscow, 6 Akademika Volgina str.)

УДК 821.161.1

Леонов, И. С.

Эволюционирующий герой и специфика его духовной трансформации в современной православной художественной прозе (на примере рассказа протоиерея Николая Агафонова «Утешение в старости») / И. С. Леонов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 94–103.